

Ло Кайхуэй, услышав эти слова, не выразила ни печали, ни радости. Она лишь тихо произнесла:

— В любом случае, мне осталось недолго, так почему бы не позволить себе немного своеволия?

Сказав это, она повернулась к слуге, которая побледнела от ужаса, и, улыбнувшись, остановила её попытку заговорить:

— Приготовь мне немного имбирного отвара, чтобы согреть желудок. Принеси его прямо в мою комнату. К старшему брату я не пойду, отправь кого-нибудь сообщить ему.

— Слушаю, госпожа, — ответила служанка, но не сразу бросилась выполнять просьбу.

Она некоторое время колебалась, но затем, стиснув зубы, произнесла:

— Госпожа, ваша болезнь излечима!

— Что толку, если она излечима, что толку, если нет? — Ло Кайхуэй повернулась и взглянула на небо, большая часть которого была скрыта от глаз. — Спасибо, что сообщила мне об этом. Хорошо выполняй свои обязанности, и я не оставлю тебя без награды.

С этими словами она, не обращая внимания на выражение лица служанки, направилась в свою комнату.

Ло Кайхуэй раздвинула занавеску из бус и вошла в кабинет. Окинув взглядом полки с книгами, она остановила выбор на том, что находился напротив двери, и достала оттуда книгу, завернутую в крафтовую бумагу.

Сев за стол, она сняла обертку, и перед ней предстал изящный красный кожаный блокнот. Открыв его, Ло Кайхуэй внимательно рассмотрела три изящных иероглифа, написанных на титульном листе.

— Тетя, правильно ли я поступаю? — Ло Кайхуэй провела пальцем по имени «Ло Пинсу» и продолжила вслух:

— Хотя он и не ваш родной сын, но вы относились к нему как к родному...

— Тетя, не сердитесь на меня за то, что я использую его. Я не хочу повторять прошлые ошибки. Если бы он узнал о вашей истории... наверное, тоже не захотел бы этого.

— Я не смогу долго прожить, а значит, не должна обременять вашего ребенка. «Цзю»... Вы так хорошо к нему относились, что мне даже стало немного завидно. Почему вы тогда не дали мне имя?

Ло Кайхуэй закрыла глаза и слабо улыбнулась.

— Но дочери семьи Ло, действительно, не заслуживают хороших имен...

Мужун Цзю всё ещё стоял на месте, словно замороженный, уставившись на узорчатую почтовую бумагу в своих руках.

Всего несколько строк мелкого почерка, но они вместили в себя всю жизнь женщины, которая была матерью Мужун Цзю — Ло Пинсу.

Ло Пинсу была единственной дочерью в семье Ло, её баловали отец и братья. Повзрослев, она быстро получила жениха. Ло Пинсу была удивлена, но подчинилась решению семьи. Жених относился к ней очень хорошо, и юная Ло Пинсу впервые познала чувства.

Однако счастье длилось недолго. Перед свадьбой Ло Пинсу обнаружила неверность жениха. В гневе у неё обострилась старая болезнь. Хотя она позже простила его, их отношения уже не были прежними. После свадьбы Ло Пинсу долгое время не могла забеременеть, и тогда её отец и братья признались: они подделали результаты медицинского обследования, и Ло Пинсу уже не могла иметь детей.

Ло Пинсу была шокирована этим фактом, но её муж уже знал об этом. Он принёс младенца и потребовал, чтобы Ло Пинсу его воспитала. Она поначалу сопротивлялась, но под давлением брата согласилась. Оказалось, что это был сын её мужа, а матерью ребёнка была суррогатная мать, найденная семьёй Ло.

Ло Пинсу убедила себя и начала с любовью воспитывать ребёнка, дав ему красивое имя — Цзю.

Но её болезнь всё ухудшалась, пока после скандала с любовницей мужа она окончательно не сломалась. Именно в эти дни Ло Пинсу написала эту записку.

Мужун Цзю смотрел на знакомый почерк, и ему становилось всё тяжелее на душе, глаза наполнялись слезами.

Теперь стало понятно, почему Мужун И в его воспоминаниях был так холоден к матери, почему после её смерти он разорвал все связи с семьёй Ло и запретил ему, Мужун Цзю, общаться с «дедушкой», «дядями» и «кузенами», даже выбросил все вещи матери, оставшиеся в доме Мужун.

Теперь стало ясно, почему семья Ло относилась к нему так равнодушно, почему в прошлой жизни они отвернулись от него, когда он оказался в безвыходной ситуации, даже не удостоив его маленькой просьбы.

Оказывается, он, Мужун Цзю, вовсе не внук семьи Ло. Он, Мужун Цзю, вовсе не сын своей

матери!

Мужун Цзю почувствовал, как его сердце сжимается от холода, словно его обволакивает и тянет вниз огромный кусок льда.

Он медленно и аккуратно сложил записку по диагонали, достал из кармана кошелек и бережно положил её туда. Закончив, Мужун Цзю, словно зомби, двинул своим полностью одеревеневшим телом и, как живой труп, покинул это уединённое место.

Его разум был полон хаоса, он почти потерял способность думать. Он просто шёл, уставившись в землю, пытаясь найти дорогу домой.

К счастью, уже начинало темнеть, и слуги семьи Ло в основном находились во внутреннем дворе, а привратник куда-то пропал. Поэтому никто не заметил, что Мужун Цзю всё ещё находился во внешнем дворе, иначе это стало бы поводом для новых пересудов.

Мужун Цзю механически подошёл к своей машине, открыл её, сел и завёл двигатель. Он смотрел на лобовое стекло, механически нажимая на педаль газа и поворачивая руль.

В таком состоянии он представлял собой огромную опасность, но в этот момент его телефон зазвонил.

Мужун Цзю отреагировал на звонок, но продолжал тупо смотреть на дорогу, одной рукой держа руль, а другой взяв телефон. Он ответил на звонок, но не смог произнести ни слова.

— Ацзю, ты вернёшься на ужин? — лениво и с лёгкой обидой в голосе спросил Шао Цихань.

Он действительно был обижен. Перед тем как уйти, Мужун Цзю пообещал: «Я скоро вернусь, успею на ужин». Но теперь, когда ужин уже почти готов, Шао Цихань даже не видел его тени.

Этот день для Мужун Цзю был полон взлётов и падений, и теперь он был на грани потери сознания. А Шао Цихань провёл день скучно и однообразно, на грани того, чтобы начать выращивать грибы на голове.

Если бы вы весь день только ели, спали, спали, ели, а к вечеру не могли ни спать, ни есть, а только скучали в ожидании чьего-то возвращения, вы бы тоже были обижены и начали бы жаловаться.

Обиженный Шао Цихань, как скучающий хаски, сидел на земле, ожидая, когда хозяин бросит ему кость, чтобы он мог оживиться. Он ждал, когда Мужун Цзю скажет: «Я в пути, скоро буду». Конечно, если бы к этому добавился сладкий поцелуй, было бы ещё лучше.

Но Шао Цихань ждал и ждал, но так и не услышал того, что хотел, потому что Мужун Цзю не произнёс ни слова.

Шао Цихань держал молчащий телефон, и в его голове возникли мрачные предчувствия, связанные с содержанием приглашения от семьи Ло. Он нахмурился и снова спросил:

— Ацзю? Ацзю, ты где?

Ответа снова не последовало.

Сердце Шао Циханя сжалось. В его голове промелькнули несколько сцен, где Мужун Цзю подвергался издевательствам, среди них были и те, что вызывали у него страх. Одна из них была такой...

Услышав этот ужасный звук, сердце Шао Циханя словно вырвали из груди. Он снова набрал номер Мужун Цзю, но услышал только механический женский голос.

Что случилось? Шао Цихань продолжал спрашивать себя. Этот пронзительный скрежет тормозов и звук удара точно не был плодом его воображения. Самое страшное и наиболее вероятное предположение стояло перед ним — Ацзю попал в аварию.

Шао Цихань был в панике. Он кричал дядю Дай, но когда старик поспешил к нему, он только открыл рот, не в силах произнести ни слова.

— Молодой господин, вы звали меня? — с удивлением спросил дядя Дай, глядя на необычно взволнованного Шао Циханя.

Шао Цихань закрыл рот, покачал головой и затем сказал:

— Ничего серьёзного, просто Ацзю только что позвонил и сказал, что не вернётся на ужин.

— Ага, — кивнул дядя Дай, а затем спросил:

— А вы, молодой господин, будете ужинать дома?

— Нет, — с горькой улыбкой ответил Шао Цихань. — Вы с матушкой Жун поужинайте, а я сейчас поеду за Ацзю.

Дядя Дай с лёгким недоумением нахмурился, но мог объяснить это лишь хорошими отношениями Шао Циханя с их молодым господином. Он ответил:

— Хорошо, — и вышел, чтобы сообщить матушке Жун, всё ещё занятой на кухне.

Шао Цихань дождался, пока дядя Дай уйдёт, и тут же поднялся в свою комнату. Взяв телефон, он начал листать контакты, пока не нашёл нужный номер и не набрал его. Через несколько секунд на другом конце провода ответили.

<http://bllate.org/book/15114/1335694>